

Въ чужой странѣ ¹⁾.

Послѣ „умилительной“ сцены мы не замедлили выпить по второй, а потомъ и по третьей; хотѣли выпить и по четвертой, но я чувствовалъ уже, что съ холода напитков началъ уже оказывать на мнѣ свое дѣйствіе, на душѣ стало какъ-то веселѣе; люди начали казаться всѣ такими добрыми и хорошими: Чанъ-фу преобразился въ моихъ глазахъ въ преданнѣйшаго мнѣ человѣка, готоваго положить свой китайскій животъ въ пользу моихъ русскихъ интересовъ; „маль-мало земля копай“ вдругъ превратился изъ гордаго и несообщительнаго человѣка—въ человѣка угнетеннаго житейскими невзгодами и потому мрачнаго и печальнаго; „писарь начальникъ“ въ красавца мужчину; его колоссальный носъ—въ какое-то чудное по своей красотѣ мраморное изваяніе, а толстыя, мясистыя губы—въ два пунцовыхъ бутона, полныхъ свѣжести и красоты. „Шарообразный юноша“,—изъ обыкновеннаго прислуживающаго за столомъ человѣка, преобразился въ какого-то добраго генія, который напрягаетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы всѣмъ намъ дать столько добра, сколько каждый изъ насъ вмѣститъ можетъ; въ его рукахъ уже не металлическій кувшинчикъ, а рогъ изобилія, изъ котораго онъ намъ будетъ подливать свой живительный нектаръ. Такъ мало-по-малу всѣ мы начали приходить въ нѣкоторое возбужденіе отъ этого, живительнаго нектара;—возбужденіе, выразившееся прежде всего тѣмъ, что у всѣхъ насъ слегка покраснѣли носы, зарумянились щеки и въ глазахъ начали свѣтиться какія-то особенныя искорки. Признаюсь, что мнѣ не хотѣлось, чтобы такое умиротворенное состояніе замѣнилось бы какимъ-либо инымъ, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ, а потому я и рѣшилъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, октябрь 1914 г.

не воспринимать больше этого „живительнаго нектара“ и ограничился поглощеннымъ уже количествомъ, но фудутунъ и слышать не хотѣлъ объ такомъ ограниченіи и только послѣ оживленныхъ по этому поводу преній разрѣшилъ замѣнить этотъ нектаръ болѣе слабымъ напиткомъ—въ видѣ бѣлаго китайскаго вина. Вино это цвѣтомъ совершенно походило на бѣлое крымское вино, но на вкусъ оно очень кисло и, чтобы уничтожить эту чрезмѣрную кислоту, оно пьется въ подогрѣтомъ видѣ и съ китайскимъ сахаромъ, напоминающимъ собою нашъ такъ называемый, постный сахаръ. Я забылъ упомянуть, что та водка, которую мы только-что пили (суля или хонъ-шикъ) пьется также въ подогрѣтомъ видѣ. Приходилось слышать отъ многихъ, что эта суля представляетъ собою нѣчто отвратительное, какъ по вкусу, такъ и по запаху; ничего подобнаго. Я никогда не замѣчалъ (положимъ, что и вкусы-то вѣдь разные бываютъ) и по-моему суля въ общемъ все же недурное средство для поддержанія въ организмѣ утраченныхъ силъ и энергій. Конечно, если злоупотреблять этимъ напиткомъ и пить его въ неумѣренномъ количествѣ, то организмъ человѣка скорѣе подвергнется всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ отъ отравленія алкоголемъ, такъ какъ процентное содержаніе этого вещества—въ сулѣ значительно превышаетъ процентъ спирта въ водкѣ, къ тому же и сивушное масло, котораго въ сулѣ, по-видимому, не мало, не можетъ быть полезно для организма; но если принимать этотъ напитокъ въ маломъ количествѣ, то дѣйствіе, имъ причиняемое, не производитъ никакого особеннаго и замѣтнаго вреда организму; выпитая на морозѣ, суля быстро подбадриваетъ и согрѣваетъ человѣка. Китайцы почти всѣ пьютъ эту сулю и пьютъ ее изъ очень маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ вмѣстимостью не больше половины маленькой рюмки и за все время моего пребыванія въ Китаѣ—мнѣ не пришлось наблюдать не только ни одного пьянаго, но даже и захмѣлѣвшаго человѣка, и лишь только солдаты позволяютъ себѣ излишества въ этомъ отношеніи, что происходитъ, надо полагать, потому, что въ солдаты, насколько извѣстно, поступаетъ самый неблагонадежный элементъ населенія—элементъ, къ которому масса народная относится не совсѣмъ доброжелательно.

Продолжая закусывать, я рѣшилъ отвѣдать понемногу всего, что стояло на столѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ усиленнаго моціона и долгаго пребыванія на холодѣ разъигравшійся аппетитъ требовалъ значительнаго количества пищи;—да и всѣ сидящіе

за столомъ видимо проголодались, потому что въ воздухѣ неустанно мелькали палочки, которыя, ловко забирая изрядныя порціи съ разныхъ блюдъ, совершали безпрестанныя путешествія отъ этихъ блюдъ ко ртамъ и обратно. — Моя ложка каждый разъ предупредительно нагружалась всевозможными яствами любезнымъ хозяиномъ и всѣми гостями. — Чанъ-фу также улавливалъ иногда моменты и успѣвалъ помѣстить въ ложку какой-нибудь кусочекъ и хотя всѣ эти куски были и неособенно пріятно жевать послѣ того, какъ ихъ держали замусоленными палочками, но приходилось смириться съ этими пустяками и отбрасывать въ сторону всякую брезгливость. Все, что я пробовалъ, казалось мнѣ необычайно вкуснымъ и дѣйствительно все было очень вкусно и пикантно. Шарообразный юноша частенько наполнялъ наши чашечки теплымъ виномъ, и мы пили, увѣряя другъ друга во взаимной дружбѣ и симпатіяхъ — и мнѣ казалось, что въ данный моментъ всѣ эти увѣренія были совершенно искренни, какъ это всегда бываетъ за стаканомъ вина, когда всѣ пріобрѣтаютъ способность вѣрить всему тому, что имъ говорятъ и что сами они говорятъ. Фудутунъ совершенно откровенно началъ увѣрять меня въ томъ, что онъ не придаетъ никакого значенія всѣмъ тѣмъ вздорнымъ слухамъ, которые циркулируютъ въ народѣ о томъ, что будто бы русскіе помогаютъ японцамъ, и въ это время онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то, что говорилъ. „Она говоли, что худой человѣкъ болтай—русски. Японски помогай; она умна, холоса человѣкъ; худой человѣкъ худой скажи:—наша Фудутунъ шипко его ругай есть“—говорилъ Чанъ-фу, передѣлывая почему-то Фудутуна въ женщину, на что послѣдній улыбался и добродушно кивалъ головой, какъ-бы соглашаясь на подобную метаморфозу.

Когда всѣ закуски были уничтожены, то начался и самый обѣдъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ вкусно приготовленныхъ блюдъ. Все это были различные супа и соусы, подаваемые въ очень небольшихъ количествахъ, благодаря чему и являлась возможность ознакомиться почти съ каждымъ изъ этихъ блюдъ. Нѣтъ возможности, конечно, перечислить произведенія китайской стряпни, да это, полагаю, было бы и излишнимъ. Когда пишутъ рецензію о художественныхъ выставкахъ, то перечисляютъ только выдающіяся произведенія кисти, о прочихъ же говорятъ только вскользь; такъ и въ данномъ случаѣ: упомянемъ о такихъ произведеніяхъ кулинарнаго искусства, которыя могутъ быть названы выдающимися.

Вотъ появляется на столѣ въ небольшой металлической мисочкѣ нѣчто съѣдобное. Снимается покрывавшая мисочку крышка, и изъ миски клубомъ валитъ ароматный паръ и уже по одному этому аромату можно убѣдиться во вкусовыхъ достоинствахъ содержамаго, каковое и оказывается супомъ изъ трепанговъ. Не подумайте, что это какая-нибудь отвратительная гадость, которую и въ ротъ взять противно;—нѣтъ, вы попробуйте и почувствуете тогда, что такое этотъ трепанговый супъ;—вы ощутите прекрасный вкусъ его крѣпкаго—ароматнаго бульона и увидите самыхъ трепанговъ, которые нарѣзаны мелкими кусочками и плаваютъ въ бульонѣ. Правда, некрасивы и отвратительны эти трепанги, если наблюдать ихъ въ ихъ естественномъ видѣ—это большіе морскіе черви, достигающіе четверти и даже болѣе въ длину—вся поверхность ихъ мягкаго, склизкаго тѣла покрыта какими-то остроконечными бородавками, что и дѣлаетъ внѣшность безобразной и весьма неказистой. Но эти мягкотѣлые употребляются въ пищу въ засушенномъ видѣ, при чемъ ихъ предварительно распластываютъ на четыре части вдоль тѣла и затѣмъ эти части сушатъ. Для приготовления же супа эти куски еще разрѣзаются на кусочки и варятся съ разными корнями и спеціями. Само по себѣ трепанги особаго вкуса не имѣютъ и напоминаютъ собою мягкій хрящъ. Вотъ въ слѣдъ за этимъ супомъ въ такомъ же сосудѣ вносится „ласточкино гнѣздо“, которое плаваетъ въ какомъ-то жидкомъ и вкусномъ содержимомъ. Гнѣздо напоминаетъ собою вермишель, но только волокна ея студенисты и полупрозрачны: особеннымъ вкусомъ они не отличаются и скорѣе ихъ можно назвать даже безвкусными. Какъ трепанги, такъ въ особенности ласточкины гнѣзда считаются едва-ли не самымъ лакомымъ блюдомъ у китайцевъ и фигурируютъ на съѣздахъ только у зажиточныхъ людей. Подавались еще горячія блюда изъ обыкновенной капусты и изъ морской капусты, и эти блюда имѣли много общаго съ нашими капустными супами; и къ нимъ подавались очень маленькіе пирожки, — всѣ пропитанные какимъ-то жиромъ—такъ что возьмешь такой пирожекъ въ ротъ, а онъ уже и растаялъ и нѣтъ его. „Петръ Петровичъ Пѣтуховъ“ навѣрно бы скушалъ сотни двѣ такихъ пирожковъ и этимъ бы только заложилъ фундаментъ передъ своей знаменитой кулебякой и прочими достопримѣчательностями своей стряпни. Много, много подавалось вкуснаго и хорошаго, и все было замѣчательно, чисто приготовлено и подано. Вообще китайцы могутъ смѣло гордиться своимъ кулинарнымъ искусствомъ и той чистотою,

каковая царить въ китайской кухнѣ; полагаю, что не будетъ нескромнымъ выразить при этомъ пожеланіе многимъ нашимъ хозяйкамъ стараться въ этомъ отношеніи хотя бы немного подражать китайцамъ. Наши кухарки да и повара также по большей части грязны и чумазы и почему-то не имѣютъ обыкновеніе совершать омовенія своихъ рукъ во время стряпни:— Сойдетъ, молъ, и такъ. Китаецъ же поваръ, какъ кажется, болѣе добросовѣстенъ въ этомъ отношеніи. Всѣ подаваемые жидкія и горячія кушанья уничтожались непосредственно изъ сосуда, ихъ заключающаго. Предварительно обѣдающіе вылавливали изъ супа всѣ тѣ вещества, которыя можно было взять палочками, бульонъ же или соусъ каждый наливалъ въ свою чашечку и выпивалъ ее черезъ край, помогая при этомъ иногда палочками. Чашки и вообще всѣ приборы ни разу не мѣнялись въ теченіе всего обѣда—такъ что изъ одной и той же чашки приходилось ѣсть всѣ кушанья, и это послѣднее обстоятельство, внѣ всякаго сомнѣнія, должно смущать непривычныхъ къ этому людей.

Въ концѣ обѣда на столѣ появился сосудъ особаго устройства и въ общемъ осуществляющій собою идею нашего самовара. Сосудъ этотъ состоялъ изъ металлическаго, имѣющаго до двухъ вершковъ въ діаметрѣ полного цилиндра, къ окружности котораго приспособлена широкая и глубокая чаша, закрываемая сверху крышкой. Въ цилиндрѣ были наложены горячіе угли, а чаша почти до краевъ была наполнена водою, которая уже кипѣла ключемъ, когда сосудъ этотъ былъ водворенъ на столѣ. Вслѣдъ за появленіемъ этого сосуда на столѣ появилось множество тарелочекъ, съ тонко и изящно наръзанными ломтиками разныхъ сортовъ сырого мяса; тутъ было мясо фазана, курицы, индейки, дикаго козла (гурана) изюбря — и прочей разной дичи, при этомъ была подана на особыхъ тарелочкахъ разнаго сорта зелень. И вотъ когда тарелочки съ мясомъ и съ зеленью были установлены живописной группой вокругъ самаго самовара, сидящіе за столомъ начали своими палочками опускать ломтики мяса въ кипятокъ, добавляя туда и зелени.—Не прошло и двухъ минутъ, какъ тоненькіе ломтики обваривались и затѣмъ извлекались изъ воды и уничтожались, а имъ на смѣну сейчасъ же подкладывались все новыя и новыя ломтики, и присутствующіе расправлялись съ ними съ удивительнымъ усердіемъ. Надо было удивляться —откуда у этихъ людей, поглотившихъ передъ этимъ изрядное количество нищевыхъ продуктовъ, могъ оказаться

запасъ аппетита. дающаго имъ возможность продолжать это поглощеніе. Что касается до меня, то я, проглотивъ одинъ ломтикъ такого мяса и найдя, его очень вкуснымъ, пришелъ къ заключенію, что этотъ ломтикъ былъ тѣмъ послѣднимъ человѣкомъ, котораго пропускаютъ въ биткомъ набитое помѣщеніе какого-нибудь масленичнаго балагана. Нельзя, нельзя, господа, не напирайте, прошу васъ, говорить стоящій у двери привратникъ: мѣста нѣтъ больше, и вслѣдъ за этимъ затворяются двери и больше никого въ балаганъ не пускаютъ. — Я могъ только сидѣть, смотрѣть и удивляться. Китайцы иногда цѣлыя часы проводятъ вокругъ такого самовара, курятъ при этомъ свои трубки, ведутъ оживленную бесѣду и затѣваютъ свои любимыя застольныя игры, которыя еще болѣе сближаютъ между собою обѣдающихъ и устанавливаютъ между ними совершенно простыя и не натянутыя отношенія, они вообще большіе любители и мастера хорошо покупать и, зная толкъ въ гастрономіи, они знаютъ и понимаютъ, такъ сказать, психологію ѣды, они знаютъ, что пріятное и веселое настроеніе способствуетъ и хорошему пищеваренію, и въ силу этого стараются о поддержаніи за столомъ самой непринужденной искренней веселости, чего и достигаютъ вполне. И теперь за этимъ обѣдомъ и въ особенности за этимъ „самоваромъ“ эта непринужденная веселость проявилась въ полной мѣрѣ, и всѣ, не исключая даже мрачнаго „малъ-мало земля копай“, забыли, быть можетъ, хотя въ теченіе этихъ немногихъ часовъ, всѣ невзгоды житейскія и сознали, что всѣ они братья между собою, связанные одними общими стремленіями ко всему доброму и хорошему.

Хозяинъ предложилъ начать игры, и гости конечно охотно на это согласились.

Игры за столомъ бываютъ самыя разнообразныя, но самая общеупотребительная игра ведется на пальцахъ, и состоитъ она въ слѣдующемъ: одинъ изъ игроковъ назначаетъ себѣ всѣ четныя числа въ первомъ десяткѣ, а другой всѣ нечетныя. Условившись такимъ образомъ, игроки выставляютъ другъ передъ другомъ кулаки правыхъ рукъ и начинаютъ сосредоточенно смотрѣть другъ другу въ глаза. Потомъ они одновременно встряхиваютъ руками и, разжимая при этомъ нѣкоторые пальцы, громко выкрикиваютъ число показываемыхъ пальцевъ. Если общая сумма даетъ четъ, то пьетъ штрафъ взявшій себѣ нечетныя цифры, а если нечетъ, то наоборотъ. Выкрикивая число разжатыхъ пальцевъ, игроки выкрикиваютъ при этомъ иногда

остроумныя и возбуждающія общій смѣхъ импровизаціи, или же высказываютъ при этомъ другъ другу хорошія пожеланія. Мнѣ говорили, что при этомъ между игроками очень не рѣдко встрѣчаются такіе импровизаторы, которые говорятъ свои импровизаціи стихами, возбуждая общій интересъ въ публикѣ. Проигравшаго, принужденнаго выпить штрафъ, награждаютъ громкимъ добродушнымъ смѣхомъ, и онъ самъ смѣется отъ души, выпиваетъ, дѣлаетъ угрожающіе жесты своему партнеру, — снова проигрываетъ и снова выпиваетъ при общемъ истерическомъ хохотѣ. Смѣются даже люди, прислуживающіе за столомъ, и всѣмъ хорошо и весело. Другая игра ведется при помощи зажженной бумажки: кто-либо зажигаетъ клочекъ бумаги и старается какъ можно скорѣе передать ее сосѣду, — тотъ передаетъ ее слѣдующему и т. д. — до тѣхъ поръ, пока бумага окончательно не сгоритъ, и тотъ, въ чьихъ рукахъ она догорѣла, пьетъ штрафъ, при общихъ аплодисментахъ и взрывѣ хохота. Играютъ также въ кости и на орѣхи, — на четъ и нечетъ, и проигравшіе всегда аккуратно вышиваютъ свои штрафы изъ маленькихъ чашечекъ.

Быль уже поздній вечеръ, когда мы встали изъ-за стола въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Фудутунъ, простившись съ гостями, пошелъ со мною въ отведенное для меня помѣщеніе, состоящее изъ одной комнаты съ обыкновенными теплыми нарами и съ неизмѣнной жаровней. Чанъ-фу также помѣстился въ этой же комнатѣ. Вслѣдъ за нами былъ внесень чай и разныя бисквитныя печенья, и фудутунъ, отпивая маленькими глотками горячую жидкость, бесѣдовалъ про войну съ японцами и жаловался съ тоскою въ голосъ на тѣ неудачи, которыя терпѣли китайцы въ этой несчастной войнѣ. Но мало-по-малу, въ голосъ его начали звучать какія-то особыя нотки, выражающія собою какъ-бы надежду на лучшее будущее. Онъ говорилъ, что „ихъ царь“ низачто не согласится кончить эту войну миромъ; хоть 10 лѣтъ придется воевать—онъ не отступится отъ своего твердаго намѣренія и будетъ воевать (съ чѣмъ же, съ какими средствами, подумалъ я при этомъ), такъ какъ солдатъ у него столько, „сколько маковыхъ зеренъ въ 10 пудахъ мака“; говорилъ, что имъ получены утѣшительныя уже извѣстія, подающія нѣкоторыя надежды на перевѣсъ въ будущемъ счастія на сторону китайцевъ, и что у японцевъ будто бы нѣтъ уже денегъ на то, чтобы продолжать войну, что они напрягаютъ уже послѣднія силы и что „ихъ царь“ рѣшилъ продать даже 10 какихъ-то городовъ англичанамъ („англи-

чанка“), дабы на вырученныя деньги возможно было продолжать войну. Откуда до него могли дойти подобныя басни? Всего вѣроятнѣе, что все это были или отголоски народной молвы, или же, просто „баснописцемъ“ въ данномъ случаѣ былъ мой злополучный Чанъ-фу, который, надо правду сказать: изрядно таки „нагрузился“ и, пребывая въ какомъ-то осовѣломъ полу-сознаніи, былъ способенъ къ бреду и къ бреднямъ.

Такимъ образомъ мы провели съ часъ времени, и послѣ этого фудутунъ, пожелавъ мнѣ покойной ночи, удалился. Чанъ-фу моментально же послѣ этого разоблачился и, покрывшись своей теплой шубой, пустилъ носомъ какую-то музыкальную ругаду и тѣмъ возвѣстилъ, что онъ уже находится „въ объятіяхъ Морфея“.

Ко мнѣ пришелъ урядникъ Дементьевъ и доложилъ, что ихъ помѣстили въ казармѣ вмѣстѣ съ солдатами; „однако, хорошо накормили“ и что въ общемъ, слава Богу, все обстоитъ благополучно. Услышавъ эту радостную вѣсть, я рѣшилъ, что и мнѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ лечь и постараться уснуть, хотя надежда на это, по правдѣ говоря, была плохая, слишкомъ уже много было воспринято новыхъ впечатлѣній, которыя обыкновенно не способствуютъ къ поддержанію спокойствія. И дѣйствительно: помню, что долго мнѣ не удавалось уснуть, и я въ темнотѣ ворчался съ боку на бокъ и завидовалъ Чанъ-фу, который несомнѣнно проводилъ время болѣе цѣлесообразно, нежели это удавалось мнѣ. Я слышалъ, какъ уже поздно вечеромъ заиграли на какихъ-то трубахъ вору; трубамъ этимъ вторили въ разныхъ концахъ города барабаны, и всѣ эти разнообразныя звуки, слившись въ какую-то дикую и нестройную какофонію, покрывались звукомъ, исходящимъ отъ равномерныхъ ударовъ въ какой-то, надо полагать, очень большой барабанъ,—слышно было, что въ этотъ барабанъ ударяли гдѣ-то по близости и онъ звучалъ мрачно и глухо. Потомъ раздался пушечный выстрѣлъ, и моментально вслѣдъ за этимъ замолкла вся эта дикая какофонія, замолкъ и барабанъ, и настала тишина, нарушаемая только поколачиваніемъ ночного сторожа въ колотушку. Порою мнѣ начинало казаться, что я нахожусь среди какого-то необъятнаго, совершенно темнаго пространства,—въ дали отъ всего живого, и лишь только ругады, пускаемая Чанъ-фу, да колотушка сторожа пробуждали меня къ дѣйствительности; потомъ, помню, за стѣной раздались голоса людей, которые о чемъ-то начали спорить; слышался смѣхъ и разговоры, и мнѣ показалось страннымъ,

почему эти голоса такъ какъ-то сразу начали звучать; то молчали и не было ничего слышно,—то вдругъ сразу начался шумъ.—Должно-быть солдаты, подумалъ я;—ходили къ зорѣ, а теперь вернулись въ казарму и балагурять.—Такъ подъ ихъ болтовню я и уснулъ.

Утромъ я былъ разбуженъ такими же дикими и нестройными звуками, которые, помню, не сразу привели меня въ сознаніе. Я началъ какъ-то смутно слышать эти звуки, не отдавая себѣ отчета—откуда они исходятъ, и вдругъ сразу вздрогнулъ и проснулся. Въ воздухѣ еще какъ бы звучалъ гулъ отъ какого-то мощнаго звука, который и привелъ меня въ сознаніе: это опять пушки, подумалъ я;—утреннюю зорю, значить, играли. И дѣйствительно то была утренняя зоря. Было 8 часовъ, и солнце бросало свой свѣтлый лучъ черезъ стекло, вставленное въ оконный переплетъ. Было холодно. Чанъ-фу по-прежнему продолжалъ сопѣть и хрипѣть на разные лады. За ночь онъ какъ-бы усовершенствовался въ этомъ упражненіи, и теперь рулады, имъ пускаемыя, были просто артистичны.—То свищетъ, то пускаетъ трели, то нытитъ, какъ паровозъ, то играетъ на свирѣли его чудо-юдо носъ. Пушечный выстрѣлъ даже не возвратилъ его къ той жалкой и прозаичной обыденности, которая называется у насъ жизнью, и онъ все еще виталъ въ сферѣ „волшебныхъ“ мелодій и трелей. Наконецъ, обуреваемый сквернымъ чувствомъ зависти къ человѣку, слишкомъ долго испытывающему наслажденія, я толкнулъ его въ бокъ и этимъ вывелъ его изъ міра грезъ и фантазій, хотя и не сразу. Я увидѣлъ, какъ послѣ этого толчка начала приподниматься та часть шубы, которая приходилась надъ головой, и наконецъ узрѣлъ и самую эту голову, по выраженію глазъ которой прямо можно было заключить, что она пока еще не вмѣняема. Вскорѣ изъ-подъ шубы вынырнули двѣ руки, которыя тутъ же и занялись протираніемъ глазъ, послѣ чего эти послѣдніе приняли нѣсколько болѣе осмысленное выраженіе, показывая тѣмъ, что и голова, мало-по-малу, возвращается къ сознанію. Руки, покончивъ съ глазами, снова исчезли подъ шубой, но вмѣсто нихъ ротъ началъ напоминать о своемъ существованіи и показывать, насколько широко онъ можетъ быть раскрытъ при процессѣ званія. Покончивъ съ протираніями и званіями, выполнивъ неизбѣжный при подобныхъ обстоятельствахъ процессъ потягиванія и вообще продѣлавъ все то, что продѣлываетъ каждый благонамѣренный человѣкъ при пробужденіи,—Чанъ-фу окончательно пришелъ въ себя и

началъ одѣваться. Въ комнатѣ появился молодой человѣкъ — высокій, стройный съ пріятной, привѣтливой фізіономіей, и Чанъ-фу, быстро сообразивъ, что этотъ юноша получилъ назначеніе быть прислужникомъ, началъ сразу, что называется, фордыбачить и разыгрывать изъ себя барина, имѣющаго своего слугу и могущаго имъ повелѣвать. Прежде всего онъ приказалъ молодому человѣку подать воды для умыванія. Приказаніе его было тотчасъ же выполнено съ полнѣйшей охотой и предупредительностью, и молодой человѣкъ принесъ тазикъ, наполненный водой, отъ которой клубился паръ. Опустивъ въ эту воду палецъ, я убѣдился, что она была нагрѣта приблизительно градусовъ до 50 по Реомюру. Молодой человѣкъ улыбнулся мнѣ, желая какъ-бы сказать этой улыбкою: „у насъ всегда умываются такой теплой водой“, и дѣйствительно въ послѣдствіи я убѣдился, что китайцы изъ простонародія, да вѣроятно и интеллигентные тоже, всегда умываются теплой водой, при чемъ процессъ умыванія очень простъ: умывающійся садится на карточки передъ чашкой, наполненной такой теплой водой, и полощетъ въ ней безъ мыла свои руки, и когда вода сдѣлается черной отъ смыванія съ рукъ грязи, то этой же водой обмывается лицо и выполаскивается ротъ. То же самое воспроизвелъ теперь и Чанъ-фу—и, покончивъ съ умываніемъ, онъ выразилъ желаніе привести въ порядокъ свою шевелюру, для чего потребовалось уже содѣйствіе парикмахера. Кутить такъ кутить, думалъ онъ, вѣроятно, отдавая приказаніе молодому человѣку о томъ, чтобы онъ привелъ сюда парикмахера. Молодой человѣкъ, съ полнымъ желаніемъ услужить, бросился исполнять приказаніе импровизированнаго барина, и черезъ 10 минутъ „парикмахеръ“ былъ на-лицо. Этотъ парикмахеръ, который теперь предсталъ передъ нами въ почтительной позѣ, имѣлъ конечно очень мало общаго съ тѣми похожими на конфектныя картинки юношами, которые умѣютъ производить своими ножницами такія же чириканья на головѣ стригомага субъекта, какія производятъ веселая стая воробьевъ, добывая себѣ пропитаніе изъ навозной кучи. Нѣтъ, представшій передъ нами субъектъ не умѣлъ „чирикать“ по-воробьиному и главнымъ образомъ потому, что съ нимъ даже не было необходимыхъ для этого чириканья ножницъ. Это былъ обыкновенный, одѣтый въ синюю дабу манза, грязный, бѣдный и повидимому очень меланхолическій; лобъ его былъ покрытъ отросшей и давно не бритой щетиной, при взглядѣ на которую, невольно припомнилось, что сапожникъ очень часто бываетъ безъ сапогъ,

портной безъ панталонъ и т. п.; на спинѣ у него болталась тоненькая и коротенькая косичка, въ которую, для ея удлинненія, былъ вилетенъ шнурокъ, служившій ея продолженіемъ. Въ доказательство того, что его трудъ былъ сопряженъ съ неустаннымъ хожденіемъ по грязи и навозу, онъ принесъ на своихъ ногахъ эти „элементы“ и разбросалъ ихъ въ живописномъ беспорядкѣ по полу. Кромѣ этихъ элементовъ онъ принесъ на бамбуковомъ коромыслѣ два небольшихъ шканчика, при чемъ изъ одного изъ нихъ былъ извлеченъ бритвенный приборъ и кувшинъ съ горячей водой, а изъ другого мѣдный тазъ, который приставляется къ горлу и имѣетъ на своей боковой поверхности соответствующій для сего вырѣзь. Тутъ же былъ извлеченъ на свѣтъ Божій и громадный роговой гребень съ большими и рѣдкими зубцами. Чанъ-фу, важно развалясь въ креслѣ и завѣшенный простыней, ждалъ, когда парикмахеръ окончитъ свои приготовленія и приступитъ къ „священнодѣйствию“. И вотъ онъ наконецъ приступилъ, и тутъ я сразу по первымъ же приемамъ убѣдился, что онъ артистъ своего дѣла. Прежде всего онъ взялъ сальную и грязную косу своими руками и началъ ее разглаживать и разминать. При этомъ онъ проявлялъ такую нѣжность и мягкость въ движеніяхъ, что у меня невольно явилась мысль довольно игриваго характера, и я сравнилъ своего Чанъ-фу съ Джульетой, и державшаго въ своихъ рукахъ его косу человѣки—съ прекраснымъ Ромео, любующимся волосами своей возлюбленной. Послѣ этого коса была расплетена и начался довольно долгій процессъ расчесыванія. „Онъ ее чешетъ, онъ ее гладитъ—волосъ къ волосу кладетъ“, напѣвалъ я мысленно во время этой процедуры, и вотъ наконецъ коса уже заплетена и отъ совершенныхъ съ нею манипуляцій—она приняла чистый и опрятный видъ и начала лосниться. Тогда было приступлено къ бритью передней части головы, и это было продѣлано съ подобающею ловкостью, округленностью и мягкостью въ движеніяхъ. Бритье производилось безъ мыла и только при посредствѣ горячей воды, при чемъ самая бритва была широкая и короткая и напоминала собою тотъ осколокъ косы, которымъ, если вѣрить рисунку Г. Трутовской,—одна малороссіанка брила когда-то бороду своему мужу. Туалетъ такимъ образомъ былъ законченъ, и парикмахеръ, получивъ за свой трудъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ съ четырехугольными отверстіями по срединѣ (чохъ), удалился.

Конечно, первой мыслью этого дня у меня было то, чтобы познакомиться съ городомъ и его достопримѣчательностями и

затѣмъ сегодня же ѣхать дальше. Не хотѣлось беспокоить хозяина и пользоваться его гостепріимствомъ въ такой широкой мѣрѣ. Еще вчера за обѣдомъ я говорилъ ему, что желалъ бы уѣхать, но онъ все время упрашивалъ меня остаться, пожить здѣсь, посмотреть городъ и вообще отдохнуть передъ трудной дорогой. Не знаю, были ли всѣ эти доводы вполнѣ искренни, но излагались они такимъ искреннимъ и задушевнымъ тономъ, что какъ-то не хотѣлось имъ не вѣрить, и я обѣщалъ остаться. Сегодня, вспомнивъ объ этомъ обѣщаніи, я отчасти и пожалѣлъ о томъ, что далъ его, потому что какъ-то не хотѣлось сидѣть на мѣстѣ, да и день выдался такой теплый и ясный, что невольно хотѣлось двигаться и двигаться. Я уже хотѣлъ было измѣнить своему слову и приказать моимъ казакамъ собраться, но, вспомнивъ о томъ, что необходимо размѣнять имѣющіеся у насъ серебряные рубли на вѣсовое серебро, невольно рѣшилъ предоставить дѣло его собственному теченію. Едва только промелькнула у меня эта мысль, какъ на порогѣ комнаты предсталъ предо мною „тугой парень“, тотъ самый, что такъ ловко перемѣщать свои брови отъ переносицы къ шапкѣ и обратно. Сдѣлавшись сразу похожимъ на кипящій самоваръ, онъ возвѣстилъ, вскинувъ бровями, что фудутунъ ждетъ уже меня съ завтракомъ въ своихъ апартаментахъ. То же самое, вслѣдъ за этимъ, возвѣстилъ и „жирный незнакомецъ“, ввалившійся въ комнату вслѣдъ за своимъ предшественникомъ. На сей разъ завтракъ былъ сервированъ не тамъ, гдѣ мы вчера обѣдали, а въ слѣдующемъ флигелѣ — черезъ дворъ. Флигель этотъ, по словамъ хозяина, занимали жены прежняго фудутуна. Комната, въ которой былъ сервированъ столъ, была большая, свѣтлая и просторная.—Разница въ обстановкѣ заключалась въ томъ, что здѣсь вдоль стѣнъ не стояли стулья, а тянулись убранныя коврами нары; стѣны были украшены развѣшаннымъ на нихъ оружіемъ:—ружьями, шашками и пистолетами. — Между ружьями были очень древнія — чуть что не съ фитильными замками, а были экземпляры и новѣйшихъ системъ, украшенные художественно выполненной рѣзбой. Повидимому, фудутунъ былъ большой любитель оружія; онъ снималъ каждую вещь и, какъ бы захлебываясь отъ восторга, давалъ соответствующія объясненія (переводилъ „тугой парень“). И видно было по всему, что это доставляло ему истинное наслажденіе, какъ любителю. На нарахъ въ углахъ помѣщались громадныя лакированные и обитыя мѣдью сундуки, съ висѣющими на нихъ мѣдными китайскими замками, очень остро-

умной системы.—Одинъ изъ этихъ сундуковъ, размѣромъ своимъ уступавшій всѣмъ прочимъ, привлекъ мое вниманіе, въ силу того обстоятельства, что на немъ было навѣшено 5 такихъ замковъ. Фудутунъ, видя мое любопытство, самъ открылъ эти замки и приподнялъ крышку, и тутъ я увидѣлъ, что весь сундукъ былъ наполненъ слитками серебра, замѣняющими собою денежные знаки въ этой странѣ.—Слитки эти были величинной съ хорошій кулакъ и имѣли форму англійской шляпы, которая слыветъ у насъ подъ кличкою „здравствуй и прощай“; поверхность ихъ была поздраватая и пористая, что позволяло судить о томъ, что слитки, будучи вынуты изъ формы, не подвергались никакой отдѣлкѣ, да это и лишнее, такъ какъ для обращенія они разрубаются на куски разной величины,—отъ одного золотника до $\frac{1}{2}$ фунта, и конечно объ какой-либо отдѣлкѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Расплата такимъ серебромъ производится при помощи вѣсовъ, которые имѣются въ наличности почти у каждого обывателя. Не скажу, чтобы въ то время, когда мнѣ пришлось быть въ предѣлахъ Маньчжуріи, обыватели принимали отъ насъ только это рублевое серебро; правда, они всегда предпочитали его другимъ денежнымъ знакамъ, но охотно брали также и наши рубли: имъ нравилась ихъ красивая чеканка и въ особенности прекрасно исполненное изображеніе Государя.—Если какой-либо обыватель соглашался принять отъ насъ эти рубли, то предварительно онъ ихъ строго контролировалъ,—для чего взявъ монету за ея центръ двумя пальцами (указательнымъ и большимъ) и дунувъ сильно на ея ребро, онъ подставлялъ ее къ уху; если монета издавала звонъ—значить, она не фальшивая и принималась охотно.

Нѣсколько разъ я пытался воспроизводить то же самое, дунувъ чуть не изо всей силы на ребро монеты, и никогда она у меня не издавала даже и признаковъ звона;—китаецъ же, кажется, и не очень сильно дунетъ, а монета у него зазвенитъ такъ, что и сидя рядомъ съ нимъ можно слышать этотъ нѣжный—„малиновый“ звонъ. Вѣроятно, секретъ заключается въ способѣ держанія монеты, и къ этому-то я не могъ приспособиться. Расчеты на вѣсовое серебро почти всегда приводили меня въ какое-то уныніе и главнымъ образомъ въ силу сознанія, что въ данномъ случаѣ находишься совершенно во власти Чанъ-фу. Какъ его милость положить, такъ и будетъ, думалъ я всегда, вынимая мѣшокъ съ серебромъ. И „его милость“ всегда уже положить такъ, что и себя не забудеть. Счетъ всегда

велся на какіе-то золотники, по вѣсу своему совершенно не соответствующіе вѣсу нашего золотника. Бывало, спросимъ передъ выѣздомъ съ какого-нибудь почлега:—сколько слѣдуетъ получить съ насъ хозяину?—Чанъ-фу беретъ счеты и начинаетъ на нихъ высчитывать: „20 снопъ чумицза,“—говоритъ онъ,—одна золотникъ; два банка бобы—два золотникъ, лапша казака кушай одна золотникъ и т. д.—Усе шисти золотникъ“,—говоритъ онъ и принимается вѣшать. Я сижу съ вытаращенными глазами и смотрю въ пространство и слышу, что присутствующій тутъ же хозяинъ, смотря на все это, что-то говоритъ Чанъ-фу, и мнѣ кажется, что онъ непремѣнно говоритъ: валяй, валяй, братъ, присчитывай, накидывай: все равно баринъ твой смотритъ какъ сова на свѣтъ и ничего не видитъ.— Я сижу, и въ головѣ у меня кто-то повторяетъ: „по рюмочкѣ—5 рюмочекъ—5 р. 20 к., по пирожку—7 пирожковъ 7 руб.“ и т. д., и въ концѣ концовъ приходится конечно раскошеливаться и соглашаться со всѣмъ.—Въ другой разъ, на слѣдующемъ почлегѣ, Чанъ-фу считаетъ, считаетъ и скажетъ совершенно другую цифру, несмотря на то, что количество забраннаго не измѣнилось. Тогда я начинаю протестовать:—что же ты, братъ, на предыдущей станціи за все это насчиталъ 6 золотниковъ, говорю я, съ надеждой поймать хитреца, а теперь зачѣмъ же кладешь 8;—вѣдь, цѣна-то одна. Но Чанъ-фу не смущается и въ оправданіе свое говоритъ, что цѣна на серебро въ разныхъ мѣстахъ разная, что онъ меня не обманываетъ, а служить мнѣ вѣрой и правдой, что онъ бѣденъ, но честенъ и въ жизнь свою никогда никого не обманывалъ и т. п., и снова приходится соглашаться. Свои доводы Чанъ-фу старается подкрѣпить руганью по адресу китайцевъ, съ которыми такъ, молъ, трудно вести денежные счеты.—„О барыня, нашъ люди шипко худой;—зачѣмъ серебрушки, считай—рубли не понимай;—шипко большой дурака наша люди есть“. Такъ заканчивалъ онъ обыкновенно свои филиппики—противъ косности своихъ собратій, благословляя въ то же время какъ эту косность, такъ равно и свою судьбу, которая поставила его въ столь благопріятныя для обогащенія обстоятельства.

Завтракъ былъ тотъ же обѣдъ, только въ миниатюрѣ:—подавались тѣ же блюда, разговоры были приблизительно тѣ же.

Послѣ завтрака были розданы каждому изъ участниковъ тряпицы, намоченныя въ теплой водѣ, и этими тряпицами каждый обтеръ свое лицо, какъ бы обтирая потъ послѣ трудовъ праведныхъ. Я сначала не понялъ, что надлежитъ дѣлать съ

положенной мнѣ на колѣни мокрой тряпичей, но, видя, что фудутунъ и присутствующій за завтракомъ „писарь начальникъ“ преспокойно учинили этими тряпичами „смази“ по своимъ физиономіямъ, я, не желая нарушать установленный обычай, — не замедлилъ и себѣ учинить такую же „смазь“.

Послѣ завтрака фудутунъ ушелъ въ свой кабинетъ, говоря, что у него есть дѣло, а мнѣ предложилъ совершить прогулку по городу и посмотрѣть на его достопримѣчательности, сказавъ, что онъ назначилъ въ провожатые такихъ людей, которые все покажутъ и расскажутъ. Этими людьми впоследствии оказались: фудутуновъ братъ и „жирный незнакомецъ“. — Послѣдней прогулка, видимо, не могла доставить особеннаго удовольствія и онъ заранѣе уже пыхтѣлъ и вытиралъ свое лоснящееся отъ жира лицо. Эти два „знатока китайскаго быта“ и должны были разъяснять всѣ вопросы, кои могли бы показаться интересными. Въ качествѣ же истолкователей мысленій — отправились: Чанъ-фу и „тугой парень“. Четыре здоровенныхъ солдата, одѣтыхъ въ красныя куртки и вооруженныхъ длинными, особаго начертанія дубинами, должны были, очевидно, играть роль охранителей и предупредителей всевозможныхъ покушеній какъ на мою „драгоцѣнную жизнь“, такъ равно и на мой не очень драгоцѣнный кошелекъ. Конечно, почти не вѣроятно было бы допустить возможность подобныхъ покушеній, тѣмъ болѣе среди бѣлаго дня, и думаю, что эти войны были назначены просто для представительности, и фудутунъ, заботясь о таковой, предлагалъ мнѣ даже совершить прогулку въ китайскомъ паланкинѣ, отъ чего я наотрѣзъ отказался. Я прихватилъ съ собою моего урядника Дементьева, который ухарски заломилъ на правое ухо папаху и закрутилъ къ верху свои черные усы, готовый вѣроятно „пронзить“ этими данными кого слѣдуетъ, и мы пошли.

Во время этого торжественнаго шествія прежде всего пришлось убѣдиться въ томъ, что тѣ самыя дубины, которыми были вооружены сопровождавшіе насъ войны, занимаютъ вѣроятно не послѣднее мѣсто въ спискѣ всѣхъ китайскихъ изобрѣтеній, и подобное заключеніе явилось тогда, когда я увидѣлъ, съ какою поспѣшностью уличная толпа разступалась передъ нами, давая дорогу. Тутъ же я пришелъ къ заключенію, что эти дубины придуманы со спеціальною цѣлью для общенія съ человѣческой спиной, такъ какъ, придя въ соприкосновеніе съ послѣдней, онѣ издаютъ даже какой-то особенный звукъ, похожій и на поцѣлуй влюбленнаго, и на ударъ лопатой объ мягкую гливу.

Имѣя около 2¹/₂ аршинъ длины, дубины эти на половину круглы, а на половину лопаткообразны, при чемъ эта послѣдняя половина слегка изогнута, дабы соприкасаться возможно большимъ числомъ точекъ своей поверхности съ частями человѣческой спины. Приходится только пожалѣть о томъ, что до сихъ поръ подобнымъ хитроумнымъ изобрѣтеніемъ не снабжены наши урядники;—было бы и внушительно, и не бесполезно. Мы шли по главной улицѣ города, которая была и узка, и грязна.—По бокамъ ютились—одна возлѣ другой такія же несчастныя и бѣдныя лавченки, которыя я уже видѣлъ при въѣздѣ въ городъ. Товаръ въ нихъ былъ самый дрянный, и по всему видно было, что Хунгунъ не ведетъ никакихъ крупныхъ торговыхъ оборотовъ. Нѣтъ въ немъ ни банковъ, ни конторъ, ни хорошихъ магазиновъ. Обыватели, повидимому, живутъ тихо, скромно и монотонно, хотя, Богъ ихъ знаетъ,—быть можетъ и даже вѣроятно, что эта кажущаяся на нашъ взглядъ монотонность для нихъ не является таковой и, живя такой повидимому неприглядной, сѣренькой и черезчуръ уже будничной жизнью, они испытываютъ конечно и горе, и радость;—словомъ, живутъ и находятъ прелесть и цѣнность своего существованія. Мы прошли по всей длинѣ главной улицы, которая тянется на протяженіе около одной версты и уперлась снова въ ворота окружающаго городъ стѣны. Эти ворота выводили на нинчутскій трактъ, и за ними видѣлись грязныя фанзы городского предмѣстья, расположенныя по обѣимъ сторонамъ дороги и по берегу протекающаго тутъ же и заваленаго навозомъ и разными отбросами ручья. Единственное, что бросилось въ глаза во время нашего шествія по главной улицѣ, и что производило довольно пріятное впечатлѣніе—это нѣсколько мясныхъ лавокъ, въ которыхъ мясо (главнымъ образомъ свинина) было нарѣзано большими кусками и развѣшено на крюкахъ на соблазнъ публики. Лавки эти содержались въ чистотѣ и опрятности, и это-то и производило пріятное впечатлѣніе. Въ нѣкоторыхъ лавченкахъ можно было встрѣтить и предметы нашего русскаго издѣлія: попадались, напримѣръ, стеариновые свѣчи, спички, эмалированная посуда, простыя висячія лампы;—были и ситцы какой-то русской мануфактуры;—сахаръ, папирсы и даже попались два-три покрытыхъ толстымъ слоемъ пыли самовара; но всѣ эти предметы имѣли очень залежалый видъ, и по словамъ купцовъ сбытъ ихъ былъ очень плохъ. „Наши люди русски товара покупай нѣтъ: наши люди своя любви“ переводилъ мнѣ Чанъ-фу показанія купцовъ о

сбытъ заграничнаго товара.— „Китайски люди зачѣмъ это покупай, говорилъ онъ, указывая на ситецъ, — китайски люди даба (синяя ткань китайскаго изготовленія) покупай, эта нѣтъ любви; чешунча покупай, фанза покупай—эта шипко холоса — китайски бабушка усе фанза, — чешунча ходи, — эта нѣтъ ходи (китайскіе женщины любятъ наряжаться въ фанзу и чешунчу, а въ это не любятъ). То же самое говорилось и про свѣчи, про папирасы, про посуду, про сахаръ и самовары; — все у китайцевъ есть свое, и къ этому своему они уже привыкли и предпочитаютъ это свое всему чужому. — Китайская сальная свѣча горитъ тускло и издаетъ непріятный запахъ, но китаецъ къ ней привыкъ, да ему и свѣта-то сильнаго не надо: — нѣтъ у него свѣчи, такъ онъ зажжетъ первобытнаго устройства свѣтильникъ и довольствуется его свѣтомъ и копотью. И такой взглядъ онъ, повидимому, имѣетъ по отношенію всѣхъ предметовъ иноземнаго производства и, относясь къ нимъ критически, онъ пока предпочитаетъ исключительно только свое; къ нему онъ уже привыкъ и съ нимъ освоился настолько, что не имѣетъ никакого желанія мѣнять это свое на что-нибудь чужое, хотя и лучшее.

Подойдя къ воротамъ, мы рѣшили, что не стоитъ возвращаться по прежнему пути, а что будетъ удобнѣе совершить вмѣсто этого прогулку по городской стѣнѣ и полюбоваться съ ея высоты на все окружающее. Такъ мы и сдѣлали и, взобравшись по крутой каменной лѣстницѣ, ведущей на стѣну около башни, построенной надъ воротами, мы очутились на дорожкѣ, проторенной поверхъ стѣны, стѣна имѣла до 2^{1/2} аршинъ въ ширину и около 1^{1/2}—2 сажень въ высоту. По наружному ея гребню вытянулся безконечный рядъ каменныхъ зубцовъ, возвышающихся надъ ея поверхностью почти въ ростъ человѣка, и между этими зубцами получались такимъ образомъ бойницы, изъ-за которыхъ китайскіе воины съ удобствомъ могли бы „разить“ врага“, если бы таковой появился передъ городомъ, съ намѣреніемъ овладѣть имъ. Событія 1890 года показали однако, что китайскіе воины не были воодушевлены столь похвальнымъ намѣреніемъ и оказали весьма слабое сопротивленіе подошедшему къ городу непріятелю, который и завладѣлъ имъ безъ чувствительныхъ потерь.

Дорожка, на которую мы теперь вступили, вѣроятно, служила для обывателей мѣстомъ для совершенія пріятныхъ прогулокъ въ часы досуга съ подобающими думами, мечтаніями и созерцаніями; намъ встрѣтилось нѣсколько такихъ гражданъ,

гуляющихъ по стѣнѣ и пребывающихъ почему-то въ грустной меланхоліи. Да и дѣйствительно можно было удариться въ таковую, совершая прогулку, потому, что видъ со стѣны былъ унылъ, печаленъ и однообразенъ:—съ наружной стороны, разстилалась широкая и ровная долина. Кое-гдѣ мелькали одинокія фанзы, — видны были мертвыя и безжизненныя поля съ торчащими на нихъ корнями снятаго съ нихъ проса. Близъ самой стѣны красовались какія-то грязныя кучи, въ составъ которыхъ входили всевозможные отбросы человѣческаго потребленія. Виднѣлись мѣстами грязныя и бѣдныя фанзы, и только лишь далекая и красивая панорама синеватыхъ горъ ласкала глазъ нѣжностью своихъ цвѣтовъ и воздушностью перспективы. Со стороны города видъ былъ еще болѣе мраченъ и угрюмъ:— видны были темныя прокопченныя, черепичныя, или соломенные крыши фанзъ, построенныхъ въ глубинѣ грязныхъ и навозныхъ дворовъ, и отсюда несся снова какой-то приторный, пряный и масляный запахъ, вдыхая который, я всегда почему-то ощущалъ приливъ тяжелой и давящей тоски.

Видны были мѣстами синія человѣческія фигуры, которыя бродили, какъ сонныя мухи, и повидимому какъ бы безъ всякой цѣли по этимъ дворамъ, и во всемъ висѣла подавляющая и мертвая скука и неподвижность. Въ одномъ мѣстѣ къ стѣнѣ примыкалъ обширный дворъ, окруженный фанзамп. Тутъ были устроены деревянные коновязи, и около нихъ стояли въ два ряда нѣсколько десятковъ лошадей, обросшихъ длинной шерстью, грязныхъ и нечищенныхъ. Въ общемъ эти лошади напоминали, собою водовозныхъ клячъ, унылыхъ и сосредоточенныхъ, вѣчно думающихъ о тяготахъ и превратностяхъ ихъ лошадиного существованія. Въ описываемое время клячи эти ничѣмъ не питались; газетъ же читать онѣ не могли потому, что во-первыхъ были безграмотны и во-вторыхъ и потому, что не только для нихъ, но даже и для обывателей газетъ здѣсь не печатали и не выписывали, а потому вышеозначеннымъ клячамъ и оставалось только стоять, понуря свои побѣдныя головушки, обмахиваться хвостами и думать свою крѣпкую печальную думу, что онѣ и выполняли вполне добросовѣстно. Тутъ же на дворѣ— около коновязей стояли какіе-то синіе люди, построенные въ три шеренги; на людяхъ этихъ были надѣты ватныя съ длинными рукавами безобразныя кофты, на головахъ — большія мѣховыя шапки, изъ-подъ которыхъ свѣшивались по большей части топція косички. Передъ этими „молодцами“ стоялъ какой-то также синій господинъ, одѣтый со-

вершено одинаково съ прочими, только немного почище и поопрятнѣе, и какъ-то особенно визгливо и отрывисто командовалъ, надрывая свою глотку, такъ, что можно было подумать, что вотъ, вотъ у него тамъ что-нибудь лопнетъ и онъ упадетъ и непременно начнетъ дрыгать ногами. Синіе люди исполняли его команду; вяло и флегматично поворачивались, то направо, то налево, то кругомъ, показывая такимъ образомъ обучающему ихъ человѣку то бока то спины, то вздвигали ряды, то опять ихъ выстраивали по-прежнему. Иногда нѣкоторые ворочались направо, а другіе въ то же время налево или кругомъ, и тогда обучающій выходилъ изъ себя и кричалъ еще визгливѣе, ругался, — бѣгалъ по фронту и возстановлялъ порядокъ. Синіе люди тогда какъ бы немного оживлялись, распутывались, хотя ихъ согбенныя и флегматичныя фигуры не переставали своимъ видомъ говорить: и что кричить и ругается этотъ молодецъ, — все равно, братъ, кричи не кричи, а этимъ дѣла впередъ не подвинешь.

Мнѣ удавалось неоднократно видѣть китайскихъ солдатъ въ строю во время ученья, и всегда я выносилъ какое-то грустное изъ этого впечатлѣніе. Казалось, что всѣ эти люди совершенно напрасно тратятъ время, что они только дѣлаютъ видъ, что забавляются въ какую-то игру, которая ихъ ничуть не интересуетъ, — какъ иногда забавляются взрослые люди, когда имъ рѣшительно не объ чемъ говорить между собою, игрою въ дураки, въ фофаны и въ свои козыри, ничуть не интересуясь этими играми, а желая хоть какъ-нибудь убить несносную тоску и однообразіе.

Безъ толку проводимъ время, думаютъ игроки, повѣывая и закрывая свои рты ладонями, и все-таки продолжаютъ играть, не желая уже окончательно конфузить хозяевъ. Безъ толку проводимъ время, кажется, думаетъ каждый китайскій солдатъ, поставленный въ строй и флегматично исполняющій команду своего начальника; — все равно пользы отъ этого никому никакой не будетъ. Мнѣ всегда казалось, что китайцы давно уже перестали быть воинами. Быть можетъ, они никогда таковыми и не были и относятся къ этой профессіи съ пренебреженіемъ. Думаю, что еслибы не было въ данномъ случаѣ безразличнаго отношенія и даже пренебреженія съ ихъ стороны къ военному дѣлу, они бы давно сдумѣли бы создать себѣ армію, подобно тому, какъ это сдумѣли сдѣлать японцы.

Фудутуновъ братъ и жирный незнакомецъ получили очевидно инструкцію отъ фудутуна объ томъ, чтобы по возможно-

сти не показывать мнѣ ничего такого, что могло бы относиться къ военному дѣлу; къ такому выводу я пришелъ тогда, когда они начали говорить, что не стоитъ смотрѣть на все это, что это не интересно, о что лучше пойти и посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ обыкновенно рубятъ головы хунхузамъ. Тутъ же они, стараясь отвлечь мое вниманіе, начали рассказывать, какъ производится эта кровавая операція, и все предлагали слѣдовать за ними, увѣряя, что интересно будетъ познакомиться съ этимъ мѣстомъ. Оставалось только слѣдовать ихъ указанію, и мы пошли; но, придя на мѣсто, не нашли въ немъ ничего интереснаго: просто это была небольшая и грязная площадка, примыкающая къ стѣнѣ съ наружной ея стороны. Тутъ валялся какой-то мусоръ;—были видны кости, которыя по увѣренію Чанъ-фу были „человѣка кости“ и можно было видѣть большого черного пса, со злыми, налитыми кровью глазами, который, лежа на брюхѣ, флегматично глодалъ какую-то кость и не потому, вѣроятно, что думалъ найти въ ней что-нибудь вкусное, а просто, потому, что ему рѣшительно нечего было дѣлать: лаять надоѣло, спать не хочется, дай хоть эту старую кость поглочу, думалъ онъ, вѣроятно, занимаясь этимъ дѣломъ. Остановившись тутъ на минуту и сознавая, что эта грязная навозная площадка ничего, кромѣ тяжелаго впечатлѣнія, въ зрителѣ оставить не можетъ, мы пошли дальше и, дойдя до тѣхъ воротъ, черезъ которыя выѣхали вчера въ городъ, спустились со стѣны и пошли по знакомой уже намъ улицѣ восвояси.

Времени до обѣда было еще очень много, и я рѣшилъ послать моего Чанъ-фу размѣнять свои деньги на рубленое серебро. Предвидя вѣроятно изъ этой операціи хорошій для себя гешефтъ, онъ съ охотой взялся исполнить мое порученіе, и его коллега выразилъ также искреннее желаніе помогать ему въ этомъ дѣлѣ. Мною овладѣло, помню, колебаніе по поводу того, какъ это я довѣряю этимъ людямъ довольно значительную сумму денегъ;—ну а если они съ этими деньгами да улизнутъ, думалъ я,—и оставятъ меня въ положеніи рака, на мели сидящаго. Я хотѣлъ было уже пойти съ ними, но потомъ вспомнилъ, что придется при этомъ играть роль безмолвнаго лишь зрителя, котораго, если только допустить наличность желанія обмануть и обсчитать,—обмануть и проведутъ въ лучшемъ видѣ, несмотря на его личное присутствіе, да еще тутъ же, смѣясь, начнутъ острить надъ его полнѣйшимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ. Сообразивъ все это, я оставилъ свое намѣреніе сопровождать имъ и, махнувъ па все это рукой, отдалъ имъ деньги,

послѣ чего они поспѣшно удалились. Черезъ полъ-часа они вернулись, и Чанъ-фу принесъ завернутый въ бумагу свертокъ серебра и вѣсы, но кромѣ этого онъ принесъ купленную имъ на базарѣ теплую, новую, мѣховую шубу, а его коллега новую рѣзную металлическую трубку кальянъ (Сю инду), изъ которой онъ и началъ переважно покуривать, довольной тѣмъ счастьемъ, которое выпало ему на долю въ этотъ прекрасный день.

Въ 5 часовъ фудутунъ позвалъ меня обѣдать и послѣ этого подобно вчерашнему, снова навѣстилъ меня;—снова появился чай, и мы вступили въ разговоръ, который на сей разъ уже не имѣлъ минорнаго — политическаго характера, а былъ довольно игривъ и сводился къ прославленію цѣлебныхъ свойствъ корня Дженъ-Шенъ и роговъ Изюбря (пантовъ), которые, будучи принимаемы въ умѣренномъ количествѣ, дѣлаютъ якобы чудеса и самаго стараго человѣка заставляютъ позабыть про старость и дряхлость. Такъ мы продолжали до поздняго вечера, а потомъ снова:—рулады Чанъ-фу, нестройные звуки зори, безконечныя ворочанія съ боку на бокъ и тоска,—мертвящая тоска одинокаго человѣка, лишеннаго возможности подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями и впечатлѣніями. Скучно и тяжело. Во что бы то ни стало завтра утромъ вдемъ дальше, рѣшилъ я, не находя себѣ мѣста отъ скучной бессонницы.

Въ 8 часовъ утра мы дѣйствительно были готовы къ походу. Наши лошади, осѣдланныя и навьюченныя, лѣниво подбирали около коновязи остатки корма, а Соболяка, чувствуя перспективу движенія, неистовствовалъ отъ восторга. Онъ съ визгомъ подбѣгалъ къ каждому изъ насъ,—лизалъ намъ руки, обнюхивалъ лошадиные хвосты и вообще выражалъ свой восторгъ всѣми зависящими отъ него мѣрами и средствами. Ну, ну—поѣдемъ, поѣдемъ, дуракъ;—съ нами поѣдемъ, говорили казаки, глядя его черную „шубу“, и Соболяка, послѣ такой ласки, положительно сатанѣлъ отъ восторга.

Но наше выступленіе задержалось на часъ, такъ какъ фудутунъ не хотѣлъ отпустить насъ въ путь безъ того, чтобы мы предварительно плотно не закусили. Онъ увѣрялъ, что небольшой завтракъ насъ долго не задержитъ и что во всякомъ случаѣ мы успѣемъ еще засвѣтло добраться до ночлега, который предполагался въ 30 верстахъ отъ города—въ деревнѣ Мицзянъ. Завтракъ дѣйствительно долго насъ не задержалъ, и черезъ какихъ-нибудь 1½—2 часа мы, напутствуемые всѣми хорошими и добрыми пожеланіями хозяина, который проводилъ насъ до паружныхъ воротъ своего дворца, тронулись въ даль-

нѣйшій путь. Теперь уже наша компанія увеличилась на 8 человекъ, благодаря конвою, который командировалъ съ нами фудутунъ.—Изъ этихъ 8 человекъ—7 были простые солдаты, а 8-й унтеръ-офицеръ, который и былъ за старшаго въ своей командѣ. Солдаты были одѣты по обыкновенію въ красныя куртки съ нашитыми на груди черными литерами, а унтеръ-офицеръ имѣлъ одежду какого-то довольно страннаго покроя. Одежда эта очень напоминала красную ливрею, въ которую имѣютъ почему-то обыкновеніе одѣваться люди „швейцарской“ профессіи. Зачѣмъ они имѣютъ обыкновеніе такъ именно одѣваться—намъ конечно неизвѣстно, и мы положительно не въ состояніи отвѣтить на этотъ „глубокомысленный“ вопросъ. Мы только можемъ сдѣлать въ данномъ случаѣ нѣкоторыя предположенія и сказать, что люди „швейцарской“ профессіи потому имѣютъ обыкновеніе рядиться въ красныя ливреи, чтобы быть во-первыхъ болѣе представительными, во-вторыхъ, чтобы быть, для кого надо, внушительными и устрашительными и наконецъ въ третьихъ—намъ кажется, что эта одежда весьма пригодна для ловкаго и незамѣтнаго прятанія полученной „пошлины“, взимаемой, какъ извѣстно, за право восхожденія и нисхожденія по лѣстницамъ. Но если это дѣйствительно такъ и если такая одежда дѣйствительно удовлетворяетъ всѣмъ вышеозначеннымъ условіямъ вообще и послѣднему изъ нихъ въ особенности, то для кавалериста она уже совершенно непригодна, ибо что можетъ быть общаго между швейцаромъ и кавалеристомъ: швейцаръ долженъ быть человекъ „съ вѣсомъ“, кавалеристъ—наоборотъ; швейцаръ долженъ имѣть степенный видъ, плавныя движенія и извѣстную тяжеловатость на подъемъ; кавалеристъ—ничего этого имѣть не долженъ, ибо если онъ будетъ таковымъ, то его назовутъ увальнемъ и будутъ надъ нимъ смѣяться.—Швейцаръ долженъ быть специалистомъ по части взиманія вышеозначенной „пошлины“ и дѣлать это такъ, что какъ будто это и не онъ беретъ, а беретъ его рука, въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ которой онъ, якобы, не воленъ, а кавалеристъ долженъ быть специалистомъ по части смѣлыхъ рѣшительныхъ дѣйствій на конѣ, твердой рукой наносить удары холоднымъ оружіемъ и вообще дѣйствовать съ полной свободой въ движеніяхъ, стремительностью и отвагой. Но едва-ли можно говорить о какой-либо свободѣ въ движеніяхъ человека, наряженнаго въ швейцарскую ливрею. И все-таки, не взирая на столь неуклюжій и совершенно несоотвѣтствующій своему назначенію костюмъ, китайскій унтеръ-офицеръ былъ въ общемъ молодець.

Онъ былъ малъ ростомъ и сухъ сложеніемъ. Его желтоватое худое и лишенное всякой растительности лицо выражало энергію, сильный характеръ и волю. Взглядъ его небольшихъ, карихъ глазъ былъ по большей части суровъ и серьезенъ, и улыбка почти никогда не свѣтилась въ нихъ, а если иногда и свѣтилась, то была похожей на искру, которая мелькнетъ и потухнетъ.

Несмотря на свою безобразную „ливрію“, онъ въ ней успѣлъ быть ловкимъ, гибкимъ и быстрымъ въ движеніяхъ. Служилъ онъ уже 10 лѣтъ, и эта продолжительная служба положила извѣстный законъ на все его существо, и сдѣлала его бравымъ солдатомъ, съ подобающей солдатской выправкой. Онъ былъ гордъ своимъ званіемъ и видимо вкладывалъ всю душу свою въ службу, исполняя всѣ своя обязанности съ полнымъ сознаниемъ дѣла. Я часто смотрѣлъ на этого молодца и думалъ, что если бы въ китайской арміи побольше было бы такихъ— не такъ бы легко доставалась бы японцамъ ихъ раздутая слава;— но, къ сожалѣнію, подобные экземпляры въ Китаѣ, повидимому, представляетъ собою очень рѣдкое явленіе и быть можетъ на тысячи равнодушныхъ и безразличныхъ къ своему дѣлу солдатъ выродится одинъ такой экземпляръ, который конечно совершенно незамѣтно растворится въ общей средѣ, какъ растворится капля меда въ бочкѣ дегтя, не произведя въ этомъ послѣднемъ рѣшительно никакихъ ощутительныхъ перемѣнъ.

Ѣздилъ онъ верхомъ прекрасно; садился въ сѣдло всегда такъ называемымъ „адъютантскимъ прыжкомъ“,—безъ помощи стремени и этимъ показывалъ, что для него, хотя уже и не очень молодого человѣка,—вскочить такимъ образомъ въ сѣдло совсѣмъ не трудно; я впрочемъ убѣжденъ, что онъ это дѣлалъ и не для показа, а просто потому, что ему это было пріятно дѣлать, потому что все, что относилось до его спеціальности—оживило его душу. Рѣчь его была отрывистая, и всегда онъ говорилъ очень громко—почти крича, что бываетъ съ людьми, привыкшими повелѣвать и сознающими за собою это право. Во время разговора, онъ постоянно жестикулировалъ руками, судорожно и сильно сокращая ихъ, при чемъ въ этой жестикуляціи принимали участіе его нервно сгибающіеся короткіе пальцы, ногти, которые имѣли овальную форму и загибались слегка вовнутрь, какъ это по большей части бываетъ у людей твердыхъ и неуклонно стремящихся къ достиженію намѣченной цѣли. Его подчиненные, надъ которыми онъ теперь начальствовалъ, относились къ нему съ почтеніемъ и панибратства

по отношенію къ нему никто изъ нихъ не позволялъ. „Орель“ говорилъ про него мой Кавалистъ; — „шипко много уцини и образована человѣкъ“ — говорилъ про него Чанъ-фу; хотя, надо правду сказать, что тотъ же Чанъ-фу не рѣдко и ругалъ его на самомъ отборномъ русскомъ жаргонѣ, каковой жаргонъ онъ, несмотря на свои слишкомъ поверхностныя знанія русской рѣчи, успѣлъ изучить почти полностью. Такими бурными филиппиками Чанъ-фу обыкновенно раздражался, обращаясь ко мнѣ послѣ того, какъ прослушаетъ основательно пламенную рѣчь унтера и сдѣлаетъ изъ ея содержанія соотвѣтствующій выводъ. Тутъ онъ обыкновенно подѣвжалъ ко мнѣ и тихонько, шопотомъ говорилъ: О барыня, — старшій худа-есть зачѣмъ усе ругай естъ“ и затѣмъ начиналъ съ своей стороны посылать, обращаясь ко мнѣ, такія словечки по адресу унтера, объ которыхъ „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать“ нельзя, передавая мнѣ, что этотъ старшій ѣдетъ и все время ругаетъ насъ заморскими чертями, которымъ слѣдовало бы срѣзать головы съ плечъ за то, что они ходятъ теперь по ихъ землѣ, намѣреваясь наводнить ее своими солдатами для того, чтобы совмѣстно съ японцами обрушиться на нихъ и ирижать ихъ съ двухъ сторонъ. И дѣйствительно, хотя и слѣдуетъ оправдать этого молодца унтеръ-офицера какъ браваго солдата, всей душой преданнаго своей родинѣ, но я не скажу, чтобы его присутствіе доставляло бы мнѣ особенное удовольствіе, благодаря тѣмъ бурнымъ рѣчамъ, которыя онъ часто направлялъ противъ насъ. Помню, какъ только мы отѣхали отъ хунгуна, онъ сейчасъ же началъ протестовать противъ насъ, и я даже одно время хотѣлъ вернуться и оставить его въ хунгунѣ въ распоряженіе властей, но потомъ рѣшилъ, что не стоитъ этого дѣлать. Почти на каждой стоянкѣ, если таковая была въ деревнѣ, дѣло не обходилось безъ непріятныхъ сценъ. Обыкновенно, по приходѣ на ночлегъ этотъ старшій сначала сурово молчитъ, куря свою трубку; тѣмъ временемъ фанза набивается биткомъ любопытными, тѣснящимися около насъ и разсматривающими насъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. Но вотъ старшій, выкуривъ нѣсколько трубокъ, начинаютъ говорить, дѣлая видъ, что онъ какъ будто бы говорить ни къ кому не обращаясь, а такъ, — просто, — говорить самъ съ собой; и всегда въ такихъ случаяхъ, онъ начиналъ тѣмъ, что прежде всего ехидно и злобно усмѣхался, издавая при этомъ какой-то особенный, полный омерзѣнія, носовой звукъ, какъ это дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ, готовящійся говорить противъ того, кого онъ

въ душѣ ненавидитъ и презираетъ;—и послѣ этого онъ началъ говорить сначала тихо, но мало-по-малу голосъ его становился громкимъ и рѣчь принимала отрывистый характеръ, при чемъ безпрестанно слышались все тѣ же гордые и презрительные носовые звуки. Такъ, мало-по-малу, онъ привлекалъ на себя вниманіе всей толпы, и она видимо ему начинала сочувствовать и соглашаться съ нимъ. Смыслъ его рѣчей былъ всегда и всюду одинаковымъ и былъ направленъ противъ русскихъ вообще, которые по его словамъ должны быть порицаемы за то, что открыто стали на сторону японцевъ и помогаютъ имъ бить и безъ того угнетенныхъ и несчастныхъ китайцевъ. Переходя отъ обобщеній къ частностямъ,—онъ и къ нимъ не могъ относиться равнодушно и всю надежду возлагалъ на Гиринскаго Дуянъ-дзюня, который, какъ ему извѣстно, человѣкъ умный и, всегда умѣя отличить добро отъ зла, сумѣетъ и съ нами расправиться, и, не успѣемъ мы пріѣхать въ Гиринъ, какъ головы наши будутъ торчать на шестѣ, или валяться въ навозѣ. Въ подобной формѣ переводилъ мнѣ всѣ эти рѣчи Чанъ-фу, стараясь дѣлать это по возможности незамѣтно: онъ не хотѣлъ, очевидно, стать въ данномъ случаѣ открыто на нашу сторону, предупреждая же насъ объ опасности, онъ тѣмъ самымъ и себя ограждалъ отъ таковой. Я убѣжденъ, что онъ навѣрно помышлялъ о бѣгствѣ и если только онъ не приводилъ своего намѣренія въ исполненіе, то только ради тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя онъ извлекалъ изъ своей службы. Слушая Чанъ-фу, я присматривался къ толпѣ и замѣчалъ всегда нѣсколько неприятныхъ взглядовъ, брошенныхъ въ нашу сторону. Не скажу, чтобы такое положеніе было особенно пріятно, но что можно было предпринять въ данномъ случаѣ? Приходилось волей неволей дѣлать видъ человѣка совершенно безразличнаго ко всѣмъ этимъ разговорамъ и по возможности меньше обращать на нихъ вниманія. Чанъ-фу убѣдительно всегда просилъ меня, чтобы я ничего не говорилъ со старшимъ по поводу всѣхъ этихъ его возмутительныхъ рѣчей, потому, что старшій сказалъ ему, если онъ осмѣлится передавать смыслъ этихъ рѣчей намъ, такъ онъ ему сбредетъ своей пашкой голову съ плечъ и сбредетъ такъ, что онъ и охнуть не успѣетъ. Принимая во вниманіе рѣшительность этого человѣка, я почти убѣжденъ, что онъ всегда бы сумѣлъ привести свою угрозу въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что жизнь-то человѣческая въ Китаѣ цѣнится, какъ кажется, не на рубли, а на пятаки, и ясно, что если бы и началъ въ данномъ случаѣ протестовать.—

то этимъ бы съ головой выдалъ несчастнаго Чанъ-фу, а онъ и безъ того трясся всегда, какъ осиновый листъ и на второй же станціи отъ Хунгуна началъ проклинать себя за то, что взялся ѣхать со мной въ Гиринъ.— „О барыня, моя не знай;—они шипко худой человѣкъ. Моя знай—два пудъ золота давай—моя нѣтъ ходи“ (если бы я зналъ, такъ хоть два пуда золота мнѣ давали бы, я бы не пошелъ). За два пуда золота не пошелъ бы, а за сотню серебряныхъ рублей идетъ, смѣялся я надъ нимъ въ такихъ случаяхъ; но на это онъ начиналъ увѣрять меня, что онъ, будучи человѣкомъ частнымъ, ни за что не отступится отъ разъ даннаго имъ слова, что онъ не такъ поступаетъ, какъ прочіе и т. д. И почему знать — быть можетъ, онъ говоритъ и правду. Всегда приходилось сожалѣть о томъ что холодное время года и отсутствіе у нихъ походныхъ палатокъ не давали намъ возможности останавливаться на ночлегъ гдѣ-нибудь въ полѣ,—вдали отъ жилья и отъ толпы любопытныхъ. Примѣнять же въ данномъ случаѣ силу не хотѣлось потому, что неизвѣстно еще, чѣмъ бы кончилась борьба насъ семи человѣкъ съ цѣлой толпою, подогрѣтой пламенными рѣчами китайскаго патріота и имѣющей во главѣ 8 хорошо вооруженныхъ солдатъ. Если бы даже, положимъ, мы и остались побѣдителями, то путешествіе наше въ Гиринъ не могло бы состояться и задача, мнѣ данная, никакимъ образомъ, не могла бы быть выполнена. Къ тому-же пришлось бы и нарушить данную мнѣ инструкцію, въ которой категорически настаивалось о соблюденіи строжайшей осторожности во всѣхъ дѣйствіяхъ, а потому въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я и рѣшилъ зацѣпиться какъ можно большимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ и какъ можно меньше обращать вниманія на всѣ эти непріятности.

Изъ прочихъ китайскихъ солдатъ только одинъ относился ко всѣмъ намъ хорошо и съ полнымъ добродушіемъ; — объ немъ я скажу въ своемъ мѣстѣ; пять держали себя по отношенію насъ холодно, а одинъ маленькій и плюгавенькій солдатикъ съ отвратительнымъ и злымъ лицомъ и съ вѣчно оскаленными зубами не стѣснялся при каждомъ удобномъ случаѣ выказывать намъ свою враждебность, но, будучи человѣкомъ подлымъ, низкимъ и трусливымъ, — онъ всегда это дѣлалъ исподтишка—такъ какъ будто бы нечаянно: то, проходя мимо, толкнетъ кого-нибудь изъ казаковъ, то плюнетъ какъ бы незначай въ сторону сидящаго казака, — при чемъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно казакъ молчаливо покажетъ ему кулакъ, чѣмъ и приведетъ его въ страхъ и смущеніе; а разъ, помню,

дѣло чуть не дошло до драки: одинъ изъ казаковъ несъ въ котелкѣ воду; — въ это время шелъ къ нему навстрѣчу этотъ плюгавый солдатикъ и, поравнявшись съ казакомъ, сплюнулъ какъ-бы невзначай въ его сторону и попалъ казаку на полушубокъ. Не стерпѣлъ казакъ и выливъ на голову этого „война“ всю воду изъ своего котелка, да въ придачу далъ ему такого тумака, что сбиль его съ ногъ. Стоявшая тутъ же на дворѣ толпа громко захохотала, одобряя, вѣроятно, поступокъ казака. Я счелъ нужнымъ предупредить послѣ этого старшаго, что если еще разъ повторится что-нибудь подобное, то я не ручаюсь за благопріятный исходъ и боюсь, что какъ бы дѣло не кончилось чѣмъ-нибудь серьезнымъ и нежелательнымъ, а потому и просилъ его предупредить этого нахала, чтобы онъ оставилъ бы свою скверную привычку плевать туда, куда не слѣдуетъ. Старшій, сознавъ вѣроятно законность этого заявленія, задалъ изрядную головомойку своему подчиненному, послѣ чего онъ прекратилъ столь бурно проявлять по отношенію насъ свою ненависть и ограничивался только злобными взглядами и скаленіемъ зубовъ. Чанъ-фу всегда называлъ этого солдата хунгузомъ, да и дѣйствительно онъ былъ таковымъ.

Чанъ-фу трусилъ не на шутку и всегда на ночлегахъ предупреждалъ меня, чтобы я напомнилъ казакамъ о томъ, чтобы они зарядили свои винтовки и клали бы ихъ около себя— это, впрочемъ, и всегда дѣлалось безъ его предупрежденій, и самъ я всегда спалъ, подложивъ подъ сѣдло заряженный револьверъ.

И такъ мы, наконецъ, тронулись въ дальнѣйшій путь. День былъ ясный, и солнце радостно свѣтило, но въ этихъ свѣтлыхъ лучахъ не было уже теплоты, такъ какъ, по-прежнему навстрѣчу намъ тянулъ холодный вѣтеръ. Дорога на протяженіи 15 верстъ отъ города тянется по совершенно ровной долинкѣ р. Тумынь-Ула, и мѣстами эта дорога проходитъ къ самой рѣкѣ и тянется вдоль ея обрывистаго лѣваго берега. По сторонамъ всюду были видны воздѣланные поля съ уныло торчащими на нихъ корнями давно снятаго уже проса (чумицзы) и гаоляна, виднѣлись мѣстами группы фанзъ, окруженныхъ деревцами, и въ общемъ все окружающее давало чувствовать, что земля, по которой мы теперь шли, принадлежитъ трудящимся людямъ, которые съ такою любовью привыкли работать на своихъ поляхъ. Какъ хороши должны быть эти поля лѣтомъ, когда на нихъ на безконечно длинныхъ бороздахъ какъ на грядахъ высятся цѣлые лѣса гаоляна — лѣса, которые смѣло могутъ скрыть

въ своей чащѣ не только пѣшаго человѣка, но и всадника. Китайцы, передъ тѣмъ, какъ посѣять хлѣбъ, устраиваютъ на своихъ поляхъ борозды такимъ образомъ, чтобы между нихъ могла бы стекать вода, и на эти борозды, въ опредѣленномъ другъ отъ друга разстояніи они сажаютъ сѣмена. Такая кропотливая работа даетъ за то отличные урожаи, — такъ что получается большой избытокъ хлѣба, который и вывозится въ предѣлы Уссурійскаго края. Сущестующій въ Уссурійскомъ краѣ водочный заводъ, какъ кажется, гонитъ спиртъ исключительно почти изъ манчжурскаго хлѣба — и, надо правду сказать, — гонитъ его превосходно. Вообще въ Уссурійскомъ краѣ мы пока не въ состояніи обойтись безъ помощи, китайцевъ и, получая отъ нихъ хлѣбъ и прочіе предметы и продукты потребленія, мы и въ нуждахъ своего домашняго обихода не можемъ обойтись безъ помощи китайцевъ. Нужно ли построить домъ, мы нанимаемъ каменщиковъ, плотниковъ и столяровъ, и таковыми являются исключительно китайцы; нужно ли намъ сшить себѣ пальто, сюртукъ, витель и прочее, мы идемъ къ портному, и предъ нами появляется фигура въ характерномъ китайскомъ костюмѣ и съ неизмѣнной косой, — и эта фигура принимаетъ и добросовѣстно выполняетъ взятый ею заказъ... Понадобится ли намъ, наконецъ, выстирать наше бѣлье, и тутъ къ нашимъ услугамъ является китаецъ-прачка, и эта прачка мастерски сдѣлаетъ свое дѣло. Повара-китайцы; даже дѣтей нянчатъ — и то китайцы. — Словомъ, безъ нихъ мы, русскіе, какъ безъ рукъ, потому что пока въ Уссурійскомъ краѣ нѣтъ повидимому не только мастеровыхъ, но даже и простыхъ рабочихъ, изъ русскихъ людей, а если они и есть, то пока находятся въ „скрытомъ состояніи“. Вообще, повидимому, нужда не гонитъ еще здѣсь русскаго человѣка на работу для добыванія куска насущнаго хлѣба.

На протяженіи первыхъ трехъ верстъ отъ города дорога обсажена деревьями и имѣетъ по сторонамъ канавы. На 15-й верстѣ она подходитъ къ безлѣсному и широкому ущелью. Горы лишены всякой растительности и стоятъ мрачныя и угрюмыя; по мѣрѣ движенія по ущелью они все ближе и ближе сходятся съ обѣихъ сторонъ и ущелье становится уже; путь начинаетъ быть каменистымъ.

Вотъ подъ горой пріютилась одинокая фанза. Это гостиница, или вѣрнѣе постоялый дворъ. Здѣсь можно остановиться отдохнуть, покормить лошадей и самимъ закусить и подкѣпить.

Китайскіе постоялыя дворы, въ общемъ, все строятся по одному шаблону, какъ и вообще въ Китаѣ все повидимому дѣлается по старому, давно уже заведенному шаблону, отъ котораго китайцы не хотятъ отступать, надо полагать благодаря своей народной гордости. Вѣдь вотъ, на примѣръ, китайскіе дома съ ихъ громадными окнами, заклеенными бумагой. Они, по всей вѣроятности, очень примѣнимы на югѣ, гдѣ очень жарко и очень свѣтло, надо думать, что тамъ въ такомъ домѣ и прохладно и свѣтъ умѣренный,—легко выносливый для глазъ. Но вотъ китаецъ за безземлемъ, или по какой-либо иной причинѣ выселяется изъ южныхъ широтъ и стремится на сѣверъ—въ холодную Манчжурію. И здѣсь онъ, несмотря на изобиліе лѣснаго матеріала, строитъ себѣ такую же, какъ и на югѣ, глинобитную фанзу, въ которой не можетъ сохраняться тепло и въ которой возможно жить зимою, имѣя постоянно на себѣ теплую одежду. Весьма вѣроятно, что онъ, переселяясь въ новыя страны, успѣлъ побывать и у насъ въ Уссурійскомъ краѣ, или во Владивостокѣ,—видѣлъ тамъ наши дома и быть можетъ интересовался ихъ устройствомъ, но, придя на мѣсто, онъ все-таки воздвигъ себѣ жилище по своему шаблону и живетъ въ немъ.

Китайскіе постоялыя дворы имѣютъ приблизительно слѣдующее устройство: представляютъ они длинную—глинобитную фанзу, покрытую въ большинствѣ случаевъ соломенной крышей. Фанза эта обносится—или плетнемъ, или же сложеннымъ изъ камней заборомъ, и такимъ образомъ получается дворъ; иногда по сторонамъ его устраиваются навѣсы—такъ же какъ это дѣлается и у насъ. На дворѣ устанавливаются на подставкахъ большія корыта (кояги) для закладыванія корма лошадямъ и муламъ захавшихъ на постоялый дворъ путниковъ.

Со двора дверь непосредственно ведетъ въ самую гостиницу. Вы входите черезъ эту дверь и сначала ничего не видите передъ собою, потому что навстрѣчу къ вамъ стремится клубомъ цѣлое бѣлесоватое облако, въ составъ котораго входятъ дымъ, паръ и копоть, и вмѣстѣ съ этимъ одуряющій запахъ отъ бобоваго или травяного масла, опиума и т. под.—Мы несколько не преувеличиваемъ, говоря, что это облако, сквозь которое глазъ ничего не можетъ различить. До васъ доносится только изъ его бѣлесоватой среды шумъ и гамъ отъ многихъ человѣческихъ голосовъ, и изъ этого вы можете заключить, что фанза набита уже народомъ. Мы всегда останавливались на ночлеги уже позднимъ вечеромъ и всегда какъ-то успѣвали послѣдними.—когда почти все мѣста у стоящихъ на дворѣ ко-

рыть были заняты животными и на нарахъ внутри фанзы — людьми. — Вы входите въ фанзу и тутъ мало-по-малу начинаете различать въ тускломъ полумракѣ окружающіе васъ предметы и глаза ваши начинаютъ приспособляться. Вы видите, что находитесь внутри большого помѣщенія, наполненнаго людьми, которые сидятъ, или лежатъ на нарахъ, ходятъ въ ихъ промежуткѣ, грѣются около очага и вообще ведутъ себя такъ, какъ и всюду ведутъ себя люди, собравшіеся изъ разныхъ мѣстъ и не успѣвшіе еще достаточно освоиться и познакомиться другъ съ другомъ. Прежде всего вы видите, что вдоль стѣнъ помѣщенія тянутся широкія, покрытыя циновками нары; поверхность этихъ наръ нагрѣта, потому, что внутри ихъ сдѣланы дымовые ходы отъ очага, расположеннаго непосредственно у входной двери — откуда и начинаются нары. Дымоходы, проложенные подъ нарами, выведены наружу на противоположенномъ концѣ фанзы, гдѣ и возвышается утвержденная на землѣ двухсаженная, каменная труба. Мы сказали, что поверхность наръ нагрѣта, но нагрѣваніе это не равномерное, и та площадь наръ, которая находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ очагомъ, нагрѣта такъ сильно, что даже циновки подпалены, площадь жена противоположномъ концѣ — чуть только тепленькая. Отсюда понятно, что наудобнѣйшимъ для размѣщенія мѣстомъ на нарахъ является средній участокъ, на которомъ не такъ чтобы очень холодно. Это въ своемъ родѣ — „средній умѣренный поясъ“, по сторонамъ котораго проходятъ тропики и полярный кругъ. Этотъ „умѣренный поясъ“ всегда оказывается и наиболѣе густо заселеннымъ и на каждый аршинъ этой площади приходилось обыкновенно по одному „обывателю“; — населеніе жаркаго пояса было рѣже, а населеніе за полярнымъ кругомъ было обыкновенно самое рѣдкое, почему и предоставлялось оно всегда намъ, какъ приходившимъ позднѣе всѣхъ прочихъ посѣтителей, успѣвшихъ уже прочно осѣсть на занятыхъ ими мѣстахъ. Области, находящіяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ „съ экваторомъ“, оставались всегда не заселенными, такъ какъ возлежаніе на ихъ раскаленной поверхности могло сойти за своего рода подвигъ, и тотъ, кто на него бы рѣшился, могъ бы быть пожалуй приравненъ къ испанскому мученику Лаврентію, принявшему, какъ извѣстно, кончину на раскаленной рѣшоткѣ, но за то въ честь его, если не ошибается, воздвигнуть грандіозный Эскуриаль. Здѣсь же, конечно, никто не сталъ бы воздвигать вамъ „эскуриаловъ“, если бы вы поджарили свои бока на раскален-

ныхъ нарахъ, и вотъ, надо полагать—подобныя соображенія и заставляли посѣтителей избѣгать „экваторіальной зоны“.

Кое-какъ ставимъ своихъ уставшихъ лошадей къ корытамъ. Онѣ стоятъ и уныло опустивъ свои головы ждуть пита-нія. Казаки оглаживаютъ ихъ и внимательно осматриваютъ. Производится закупка фуража, каковой не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что принято у насъ подразумѣвать подъ этимъ понятіемъ. Какъ извѣстно, мы привыкли подъ нимъ подразумѣвать сѣно и овесъ, а въ Китаѣ этого-то какъ разъ и нѣтъ. Сѣна китайцы не заготовляютъ, а овса почти не сѣютъ, и вмѣсто сѣна они кормятъ свой скотъ рѣзкой изъ чумизной соломы, а вмѣсто овса—бобами, бобовыми жмыхами, или же гаолянномъ. Чумидзкая солома (солома отъ китайскаго проса) заготавливается на зиму въ видѣ сноповъ. Если дать такой снопъ лошади—конечно она не станетъ его кушать, такъ же какъ не станетъ кушать и березоваго вѣника потому, что солома слишкомъ толста и жестка и лошадинымъ зубамъ ее не помельчать. Необходимо ее порѣзать на мелкіе кусочки и для этого употребляются особые рѣзачи, состоящіе изъ деревяннаго — желобовиднаго бруса, имѣющаго аршинъ съ небольшимъ въ длину, къ одному изъ концовъ котораго на шарнирѣ прикрѣпленъ большой и широкій ножъ съ рукояткой на противоположномъ концѣ. Китайцы мастерски рѣжутъ снопы и обыкновенно одинъ работаетъ ножомъ, двигая его въ вертикальной плоскости, а другой въ это время держитъ снопъ, подсовывая его постепенно подъ ножъ; но казаки съ непривычки скоро уставали отъ этой работы и всегда работали ножомъ по два сразу, и при этомъ условіи проходило не менѣе $\frac{1}{2}$ часа времени, пока они успѣвали изрѣзать 20 — 25 сноповъ — то-есть такое количество, которое требовалось для насыщенія нашихъ лошадей. Но этимъ работа не окончилась, и въ то время, пока три казака были заняты приготовленіемъ рѣзки — остальные приготавливали къ употребленію бобы, или бобовые жмыхи. Бобы тверды, а жмыхи еще тверже, и необходимо ихъ распарить въ кипяткѣ, а потомъ уже давать въ пищу, а это также работа не малая - требуется и огонь развести, и воду согрѣть, потомъ остудить распаренныя вещества и только тогда давать ихъ въ пищу. Бобовые жмыхи приготавливаются въ видѣ большихъ, имѣющихъ $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ круговъ и приготавливаются изъ бобовыхъ остатковъ, послѣ того, какъ изъ зеренъ боба выжато масло, — эти круги настолько крѣпки, что ихъ и топо-

ромъ трудно рубить и, въ сыромъ видѣ, они не могутъ быть разрѣзаемы лошадиными зубами.

Но вотъ наконецъ кормъ для лошадей приготовленъ и разложенъ по корытамъ. Дежурный казакъ ходитъ и внимательно слѣдить—охотно ли лошади ѣдятъ;—обыкновенно онѣ съ голодухи ѣли охотно, но случалось такъ, что одна изъ лошадей—отъ усталости ли, или отъ какихъ-либо иныхъ причинъ—либо совсѣмъ отказывалась отъ корма, либо ѣла его неохотно, и тогда хозяинъ этой лошади рѣшалъ, что ее необходимо „выморозить“. Онъ доставалъ изъ колодца ведро холодной воды и выливалъ его на лошадь, доставалъ другое и снова выливалъ и такъ до тѣхъ поръ, пока вся лошадь не оказывалась мокрою и вода съ нея текла, какъ съ крыши, послѣ этого казакъ отходилъ, говоря:—„Ничего, теперь, однако, покушаешь“.—И дѣйствительно, лошадь начинала трястись какъ въ лихорадкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ у ней появился аппетитъ, и на другой день она была вполне бодра и весела. Обычай „вымораживанія“ лошадей мнѣ только и приходилось наблюдать въ Забайкальѣ; тамъ къ этому средству прибѣгаютъ очень часто и всегда, повидимому, съ успѣхомъ.—„Наши кони, однако, къ этому обычны“, говорили обыкновенно казаки. „Человѣка проморозь хорошенько,—такъ его и на ѣду погонить—такъ и скотину все одно“.

Покончивъ съ лошадьми, и сами мы водворялись на жительство въ чертѣ „полярнаго круга“, и здѣсь прежде всего приходилось убѣждаться въ томъ, что тѣ окна, которыми снабжена фанза, служатъ прекраснымъ вентиляторомъ и очень плохимъ предохранителемъ отъ стужи и холода, такъ какъ бумага въ окнахъ отъ ветхости ли, или просто отъ недосмотра, всегда имѣла на своей поверхности множество дыръ, сквозь которыя и происходилъ обмѣнъ внутренняго воздуха на наружный, при чемъ если на дворѣ была мятель, то вмѣстѣ съ воздухомъ въ фанзу залетали и снѣжинки, какъ бы любопытствуя:—а что-то, молъ, тамъ за этой дырой дѣлается.

Не лишнее обратить вниманіе на то, что во всѣхъ рѣшительно своихъ домахъ, все равно будь это одинокая фанза земледѣльца, построенная среди его поля, или же фанза крестьянина, живущаго въ большой деревнѣ, или же, наконецъ, обитающе горожанина въ какомъ-нибудь Пекинѣ, Мукденѣ, Гиринѣ—вездѣ вы увидите, что окна продѣланы на южную сторону—и это, конечно, очень хорошо.

Между нарами оставленъ проходъ—около 3-хъ аршинъ въ

ширину, и тутъ посреди фанзы устроенъ каменный очагъ, съ горящими въ немъ углями, которые, по мѣрѣ своего перегоранія, пополняются изъ очага подъ нарами. Около этого очага посѣтители грѣютъ свои руки, раскуриваютъ трубки и кипятятъ воду въ чайникахъ. Тутъ же иногда поджаривается что-нибудь съѣдобное:—капуста на травяномъ маслѣ, распространяющемъ особо удушливый смрадъ; лепешечки—въ родѣ нашихъ оладьевъ, и отъ всего этого въ воздухѣ распространяются такіе „ароматы“, отъ которыхъ и чертямъ тошно, и все это вентилируется только черезъ входную дверь и черезъ дыры въ бумагѣ, которой залѣлены окна. Къ этимъ „ароматамъ“ присоединяется копотъ отъ первобытныхъ свѣтильниковъ, коими и освѣщается внутреннее помѣщеніе фанзы. Эти свѣтильники по своей простотѣ и незамысловатости—въ своемъ родѣ замѣчательны; видно, что мысль человѣческая, создавшая ихъ, быть можетъ не одну тысячу лѣтъ тому назадъ,—почему-то совсѣмъ какъ бы объ нихъ и позабыла и махнувъ на нихъ рукой, (быть можетъ и у мысли есть своего рода руки) сказала:— „свѣтитъ—ну и ладно;—пусть себѣ свѣтитъ“ и оставила его въ томъ же неприкосновенномъ первобытномъ, такъ сказать, видѣ. Свѣтильникъ этотъ очень незамысловатъ и состоитъ онъ изъ глиняной чашки, утвержденной на деревянной подставкѣ; въ чашку налито растительное масло, а въ него вложенъ фитиль, при чемъ одинъ изъ концовъ его не погруженъ въ масло, а покоится на краю чашки. Этотъ коонецъ зажигается и начинаетъ коптить и свѣтить, при чемъ свѣтъ его не сильнѣе свѣта зажженной спички, но зато копотъ его можетъ поспорить съ копотью неисправной керосиновой горѣлки. Въ нѣкоторыхъ постоянныхъ дворахъ приходилось, правда, встрѣчать висячія съ желѣзными абажурами лампы, но это было рѣдко, да обыкновенно — по одной, — много если—по двѣ лампы и всегда совмѣстно съ ними возжигались и вышеозначенные свѣтильники. Съ непривычки всѣ эти „ароматы“ дѣйствовали на насъ одуряющимъ образомъ: носъ начиналъ чихать; горло — кашлять, а голова—болѣть. Казаки, испытывая повидимому не совсѣмъ пріятныя ощущенія, частенько иронизировали на счетъ китайской отсталости, называя китайцевъ не людьми, а „тварью“ и увѣряя, что „съ ними, какъ съ воробьями каши не сварить“. Чанъ-фу также въ угоду намъ частенько негодовалъ на своихъ собратій и говорилъ, что „наша люди шибко худой дурака есть“.

Обращали также на себя вниманіе лубочныя китайскія картины, красующіяся на стѣнахъ почти каждаго постоялаго двора. Да и вообще китайцы, какъ кажется, большіе любители этихъ картинъ, и въ этомъ отношеніи они похожи на нашихъ простолюдиновъ, украшающихъ свои жилища произведеніями лубочной стряпни, но по-моему, у насъ эта стряпня будетъ похуже китайской. Въдъ только за послѣднее время лубочныя наши картины нѣсколько улучшились и изображаемыя на нихъ фигуры нѣсколько какъ бы ожили. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ: посмотримъ на какого-нибудь Еруслана, или Бову, которыхъ художникъ сплошь смазалъ красной, или синей краской, захвативъ при этомъ этимъ же мазкомъ и все, что находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними,—посмотришь и подумаешь: вотъ такъ фертъ,—ишь ты—какъ его всего вывернуло!—Или посмотришь на какого-нибудь коня, вымазаннаго для чего-то въ зеленую краску и усумнишься: — сначала выходилъ какъ будто-бы и конь, а потомъ начинаетъ уже казаться, что это не конь, а скамейка.—И ничего себѣ! сходили у насъ и такія „картины“—за картины. Китайскія лубочныя картины значительно опередили нашу лубочную мазню и хотя въ этихъ картинахъ сильно хромаетъ перспектива, но зато фигуры и выраженіе ихъ лицъ жизненны и подвижны. По большей части на этихъ картинахъ изображаются китайскіе дома, окруженные большей растительностью и цвѣтами;—видны ручейки, съ перекинутыми черезъ нихъ своеобразными мостиками, и тутъ же всегда изображено множество мужскихъ и женскихъ фигуръ, при чемъ молодые и среднихъ лѣтъ мужчины изображаются всегда особенно жизненными и подвижными. Художники не рѣдко ставятъ ихъ въ какія-то особенныя „академическія позы“: — нерѣдко они вооружены страшными мечами, или дубинами и тогда они, сохраняя эти „академическія“, полныя движенія, позы, размахиваютъ своимъ оружіемъ, съ выраженіемъ на лицѣ крайней ярости. Но съ какой цѣлью они все это продѣлываютъ,—это остается непонятнымъ и какъ бы недосказаннымъ. Зрители, знакомые съ бытомъ и культомъ китайской народности, конечно поймутъ и объяснятъ всѣ эти сцены, такъ же какъ и мы объяснимъ себѣ смыслъ картины, на которой изображенъ Ерусланъ Лазаревичъ или Иванъ Царевичъ или какая-нибудь царь-дѣвица и жарь-птица. Но такъ какъ я, къ сожалѣнію, не знакомъ съ „Иванами-царевичами“ и „жарь-птицами“ китайской національности (и они несомнѣнно есть и у китайцевъ), то и не могу

ничего сказать относительно смысла этихъ лубочныхъ картинъ. Старики на картинахъ изображаются людьми, повидимому, всѣми чтимыми и уважаемыми; нерѣдко они посажены на разукрашенныхъ коврами бѣлыхъ лошадей,—съ особенно выгнутой шеями, и въ такомъ случаѣ сидящій на лошади старикъ изображается со спокойнымъ и умиротвореннымъ лицомъ, которое какъ бы говоритъ: мнѣ не объ чемъ уже заботиться, такъ какъ за меня другіе позаботятся.—И дѣйствительно онъ можетъ быть совершенно спокойнымъ: лошадь его ведутъ подъ уздцы какихъ-то два юноши, съ выраженіемъ крайней почтительности на лицахъ, а позади него съ такою же почтительностью, несутъ большой зонтикъ, который и защищаетъ его отъ солнца.—Сиди, значить,—будь спокоенъ, наслаждайся природой, да, помахивая свсимвъ вѣромъ, отгоняй отъ себя мухъ и всякихъ „гнусовъ“, а все остальное прочее мы за тебя сдѣлаемъ, потому что молоды, а ты старъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось, при взглядѣ на такія картины, что въ нихъ выражена именно подобная мораль, которую конечно нельзя назвать непохвальной. Женскія фигуры изображаются на картинахъ какими-то какъ бы сонливыми, мало подвижными, — такъ что въ этомъ отношеніи ихъ можно приравнять къ нашимъ замоскворѣцкимъ купчихамъ, всегда сонливымъ, безпрестанно зѣвающимъ и крестящимъ свои рты. Надо думать, что и китайская женщина склонна въ общемъ къ сонливости и вѣроятно такъ же часто зѣваетъ, какъ и наша купчиха; — рта только крестить не умѣетъ,—а суть-то въ нихъ, вѣроятно, одна. Повидимому, все это во вкусѣ китайцевъ. Не стали бы они уродовать ноги своихъ женщинъ, если бы не требовали отъ нихъ „тумбообразнаго“ состоянія, каковое и считается верхомъ красоты и изящества.

Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

